

Адуев Н. А.

Николай Алевферьевич

2/ХТ/ 88

«ЛИТЕРАТУРНАЯ РОССИЯ» 19 2 ДЕКАБРЬ

1988. — 2 экз. — с. 19

С известным поэтом-сатириком и драматургом Николаем Альфредовичем Адуевым я ВПЕРВЫЕ ПОЗНАКОМИЛСЯ (боже, какой безграмотный оборот, но ведь бытует!), будучи маленьким школьником в Ленинграде (тогда еще Петрограде) на дне рождения у моей сверстницы и подружки Диты, дочери уже, на мой взгляд, пожилого (29 лет) артиста Леонида Осиповича Утесова. Было там еще много друзей Дитино го папы — дядя Миша Зошенко, дядя Валя Катаев, дядя Исаак Бабель, дядя Володя Горовец, и еще много других дядей и тетей — со многими из них мне впоследствии довелось дружить, а с некоторыми и работать.

Но больше всех нам, детям, понравились снизошедшие до нашего общества дядя Володя Софроницкий и дядя Коля Адуев. Дядя Володя поражал наше воображение своим непостижимым умением любую, даже самую сложную и длинную фразу немедленно и совершенно точно произносить с конца (этим редким даром он неоднократно удивлял меня и в мои зрелые годы). А дядя Коля сыпал шутками, каламбурами, рассказывал забавные истории, читал стихи, в которых рифмовалась вся строка. Одно такое двустишие я помню до сих пор:

Угар и чад.

В огне ведро мадеры,

«Уга» — рычат во гневе

дромадеры.

Вообще он блистательно владел техникой стиха, как и большинство его соратников по группе «конструктивистов».

Потом я сыграл на рояле чудовищно безграмотную пьеску «Дита-вальс», сочиненную мной и преподнесенную в качестве дара юной хозяйке праздника (к моему позору, она была сыграна через 50 лет на юбилее Утесова). Дядя Володя снисходительно улыбался, а дядя Коля подошел ко мне и неожиданно вполне серьезно сказал:

— А ты бы, малый, не бросал этого занятия.

— А я и не собираюсь! — так же серьезно ответил я.

И, как читатель, очевидно, заметил, так и не собрался.

***

Годы прошли, пролетели, промелькнули, пронеслись (у каждого по-разному), а встречи с дядей Колей, а впоследствии с Николаем Альфредовичем, а уж совсем потом с Колей (сначала

на «вы», а потом и на «ты» продолжались. Мы виделись почти каждый раз, когда он приезжал в Ленинград, а я — в Москву...

...Начало 1930 года. Школа уже закончена (51-я, трудовая). И уже поставлена в Ленинграде моя первая оперетта, на премьеру которой меня пыталась не допустить билетерша, посоветовав прийти с мамой на утренник. И с Адуевым мы уже, если не на равных (возрастная разница еще сказывалась), то хотя бы как симпатизирующие друг другу деятели искусства — я вроде уже профессионал. И сидим мы с ним, его соавтором А. Арго и артистом В. Хенкиным за одним столиком в ресторане актерского клуба «Кружок», что недавно открылся в Москве, в Старопименовском переулке. А через два столика от нас — Маяковский (узнал по фотографиям), Катаев (спросил: «Кто это?»), конференсье Менделевич и ныне здравствующий, тогдашний директор «Кружка» Б. М. Филипов.

Известный эстрадный артист Н. П. Смирнов-Сокольский (в будущем тоже Коля) в разгар веселого ужина, когда от стола к столу летели лихие шутки, эпиграммы, каламбуры, вышел на крохотную эстрадку, попросил тишины, которая, будучи весьма относительной, воцарилась не сразу, и обратился к Маяковскому с провокационной просьбой:

— Владимир Владимирович! Мы вот тут прослышали, что у вас есть прекрасная эпиграмма на вашего коллегу Николая Адуева. Сделайте милость, ознакомьте население!

Надо сказать, что действительно блестящая эпиграмма, которую явно имел в виду Сокольский, была не очень приятной и публичное ее оглашение могло вызвать немалое смущение среди представителей слабого пола (хотя в нынешних кинофильмах и не такое услышишь).

Однако Маяковский согласно кивнул и встал. Тишина усилилась (определение несколько парадоксальное). И, обманув напругенно ожидавшего Смирнова-Сокольского, прочел совершенно другую эпиграмму, но тоже на Адуева. Не думаю, чтобы кто-либо из читающих эти строки ее знал — эпиграмма эта, по моему, нигде не публиковалась.

◆ У КАМИНА «РЕВИЗОРА»

Никита БОГОСЛОВСКИЙ

ДЯДЯ КОЛЯ АДУЕВ

Я скандалист, а не монах,
Ищу повсюду я Адуева,
Ищу его у облака в штанах,
Но как в таких штанах найду его?!

Зал грохнул смехом, заплодировал. Адуев, слегка побледнев, резко вскочил с места и попросил разрешения (высокий профессионал) готчас же ответить. И продекламировал взволнованно, не запинаясь:

Вы явно скандалист,
а не монах,

Но не обманете
и малого мальчонка!

Зачем меня искать
у облака в штанах,

Когда известно всем,
что я у вас в печенках!

Маяковский несколько секунд промолчал, явно оценивая высокое мастерство коллеги, а потом, искренне расхохотавшись, под бурные аплодисменты всей публики, подошел с бокалом вина к нашему столику, чокнулся с Адуевым, и они тут же помирились, будучи до этого в недолгой и незначительной ссоре на литературной почве. Меня Адуев, упоенный своим успехом, с Маяковским не познакомил. И видел я великого поэта вблизи первый и последний раз в жизни.

***

Я думаю, что ко мне первому пришла идея вывести на театральную сцену шедевр советской литературы — роман Ильфа и Петрова «12 стульев». Об этом свидетельствует мое письмо авторам романа, ксерокопию ко-

елит Россия - 1988 - 2 экз. - с. 18

тогого мне любезно подарил ЦГАИ, где хранится архив писателей. Как вы заметите, письмо весьма категоричное, безапелляционное, горькое не ультимативное. О, далекая и нетерпеливая молодость (триумф)! Вот оно, это письмо:

28.IX.1931, Ленинград

Многочуважаемые гг. Ильф и Петров!

Обращаюсь к вам с нижеследующим срочным делом. Напишите немедленно, как только получите мое письмо, — согласны ли вы на собственноручную переделку «12 стульев» в оперное либретто для Ленинградского б. Михайловского (ныне Малый оперный. — Н. Б.) театра.

Если вы согласны, то немедленно высылайте мне свои условия и согласие. В свою очередь, дирекция театра сразу же вышлет вам договор.

Дирекция просила начать с вами переговоры меня, т. к. я являюсь композитором, который будет писать ваши «Стулья», если только вы согласитесь их переделать для сцены.

После подписания вами договора я приеду в Москву для личных переговоров. Кстати, не пугайтесь моего возраста: мне 18 лет. Но все же я успел окончить консерваторию (прихвастнул, а тогда еще учился. — Н. Б.) и работаю сейчас исключительно в крупной форме.

Итак, жду в надежде на ваш скорейший и положительный ответ

Ваш Никита Богословский.
(Далее следовал мой ленинградский адрес).

Изысканно вежливый ответ с отказом от моего предложения (вернее, требования) я получил довольно быстро (письмо это, к сожалению, пропало в блокаденом Ленинграде). В нем писатели, не отрицая в принципе возможности написания оперы на этот сюжет, объясняли свой отказ фразой «Мы не знаем, как это делается» и рекомендовали мне в качестве «талантливого, опытного и высокопрофессионального драматурга»... Николая Адуева, к которому я немедленно и обратился. Но тот в это время был занят инсценировкой своего романа в стихах «Товарищ Ардатов».

Отступая от своего повествования, я хочу порекомендовать знающему от отсутствия репертуара нашим эстрадным труппам это произведение. Отличные стихи острый, динамичный сюжет о бойце-коммунисте, которого в гражданскую войну при взрыве бомбы засыпало в подвале продовольственного склада, где он прожил несколько лет, обеспеченный консервами и сочащейся водой. А потом, освободившись во время ремонта здания, попал сразу в нэл, ничего не зная о предыдущей жизни страны. Уверен, что исполнение с эстрады «Ардатова» будет публике куда интереснее, чем со-

вершенно однообразные по репертуару труппе программы, заполнившие нынче наши концертные эстрады. К сведению интересующихся: «Товарищ Ардатов» издан издательством «Федерация» в 1929 г.

***

И все-таки мы с Адуевым музыкальный спектакль осуществили. Но не «12 стульев», а «Как ее зовут?». Было это в 1935 году в Ленинграде в Музкомедии. Сразу после премьеры и традиционного банкета Адуев уезжал «Стрелой» в Москву, а я вместе с ним — показывать эту свою работу в Московской оперетте (там она, увы, не понравилась, и спектакль шел с музыкой Л. Пульвера). Еле-еле успев на поезд, мы вбежали в купе, заехали на верхние полки и немедленно заснули. Банкет все-таки! А наутро в вагоне произошла забавная, совершенно водевильная история.

Прснулись мы довольно рано — уже в те далекие годы у проводников была традиция будить пассажиров часа за два до прибытия поезда.

Лежа на верхних полках, не имея никакого желания немедленно подняться, мы лениво прислушивались к разговорам нижних пассажиров — скромной, хорошенькой девушки и щеголеватого молодого человека, сидевших за утренним чаем.

По-моему, нам, соседям, давно пора познакомиться, — обаятельно улыбаясь, сказал молодой человек.

— Маша П., студентка, — и девушка робко протянула руку. — Очень приятно. Николай Адуев. Поэт-сатирик. Драматург. Москва, — сообщил собеседник.

МОЙ Адуев в этот диалог не вмешивался, только стал торопливо одеваться, накрывшись до подбородка солдатским одеялом. Я продолжал лежать, тиконько хихикая в ожидании предстоящей развязки.

Спустившись вниз, МОЙ Адуев скромно присел на край диванчика. Девушка внимательно слушала увлекательный рассказ ТОГО Адуева о своем творчестве и о московских литературных делах. Дождавшись паузы, МОЙ Адуев сказал:

— Вот вы уже познакомились, позвольте представиться и мне. Вы, как я уже знаю, Маша П., студентка. А вы, если не ошибаюсь, писатель Николай Адуев?

Молодой человек с достоинством молча наклонил голову.

— А я, — продолжал МОЙ Адуев, — Санька Прохоров, по кличке Бовари, поездной вор-профессионал.

— Я вижу, вы тоже не чуждаетесь юмора? — снисходительно улыбнулся собеседник.

— Нет, почему же. Это чистая правда. И сейчас я вам это докажу. Вот вы, например, писатель Николай Адуев?

— Ну, конечно, — подтвердил, не чуя никакого подвоха, молодой человек.

— Тогда смотрите внимательно. Я вам кое-что продемонстрирую! — таинственно сообщил МОЙ Адуев, полез в задний карман (своих) брюк и вынул оттуда членский билет Союза писателей с четкой подписью Максима Горького и паспорт.

Нет никакого смысла рассказывать о том, что было дальше, так как это гениально описано в финальной сцене бессмертной комедии «Ревизор», принадлежащей, как многие знают, великому писателю Н. В. Гоголю (1809—1852).

К этому надо добавить, что Маша П., впоследствии театральный критик, а тогда действительно студентка МГУ, была специально послана для журналистской практики молодежной газетой на премьеру нашей оперетты и видела МОЕГО Адуева, выходящего на премьерные полкони. О чем, по врожденной скромности, не рассказала ТОМУ Адуеву...

***

...А потом время развело наши творческие судьбы. Я начал много работать для кино, а Николай Альфредович, не оставляя музыкальную драматургию, написал несколько оперетт — с композитором И. Ковнером «Барышню-крестьянку» (по Пушкину) и с В. Щербачевым «Табачного капитана», который и до сих пор нет-нет да и возникает на сценах наших музыкальных театров. И очень жалею я, что не осуществилась одна наша с ним совместная работа — музыкальная комедия «Остров дураков» с очень острым и смешным сюжетом: специальная государственная комиссия опрашивала ряд руководящих деятелей, а за их спинами был экран. И по мере их высказываний экран менял свой цвет — дураки «давали» желтый, а умники — синий. Помните, что влюбившийся в молодую девицу престарелый академик «давал» зеленый цвет. Потом отобранным таким способом дураков отправляли на специально резервированный для них остров, где они и образовали свою колонию. Жаль, недописали...

***

Адуев был человеком крайне жизнерадостным, подчас эксцентричным. Он, например, написал сам себе некролог, будучи еще в полном здравии. А когда скончался — не от бронхиальной астмы, от которой умирал, а неожиданно для всех от заворота кишок, — на похоронах этот автонекролог в стихах, исполненный грустного юмора, еле сдерживая слезы, прочитал его друг и коллега Виктор Ардов. Помню последние две строки:

*Желаю вам, мои друзья,
Так жизнь прожить,
как прожил я.*

А жизнь Николая Альфредовича прошла интересно, достойно и счастливо. Судьба оказалась к нему благосклонной. Хотя мог бы пожить и подольше.